

Нахмурившись, я осмотрела лазарет. Обычно, были кабинки целителей и шеренга раненых солдат, ожидающих своей очереди, отсортированных по степени тяжести. Обычно так и работали.

Вместо этого я увидела ряды раненых солдат, с несколькими чуть менее ранеными солдатами, бегающими вокруг с ведрами грязной воды и бинтами. Все еще ночь и длинная-предлинная палатка плохо освещена. Все, что я могу видеть - бесконечные ряды людей, уходящих в темноту. Зловоние гнили, крови и блевотины, желчи и запекшейся крови наполняет воздух.

Ничего нового.

Воздух наполнился криками, люди в агонии молили о помощи. Взывая к своим семьям, к своим любимым.

- Найди мне целителя или того, кто за это отвечает, - приказала я своему помощнику.

Я уже скучаю по Каллисто. Он бы упреждающе прочитал мои мысли и уже рассказал бы мне всю историю. Вместо этого я вернулась на трудный путь.

Я схватила одного из солдат, который бегал вокруг, и, не желая повторять еще одну песню и танец, начала с того, что показала свой значок Стража.

- Привет. Район с наиболее тяжелоранеными? - спросила я его. В ответ я не получила приветствия - у него не было нужной руки.

Он на мгновение заколебался, просто из-за совершенно сюрреалистической природы Стража, появившегося в его палатке, но указал мне правильное направление.

- Спасибо, - я поблагодарила, похлопав его по плечу и расплывшись в улыбке от уха до уха. Его выражение лица, когда его рука выросла заново, и дюжина мелких порезов и ушибов были устранены...

Благодарность и облегчение, переполненность благодарностью и радостью. Новый шанс на жизнь, вновь целое тело.

Был аргумент в пользу того, чтобы подождать, пока я не получу полное представление о ситуации. Пока я не получу орлиный взор на все происходящее, чтобы использовать свою ману наилучшим, оптимальным образом. Может моя сила понадобится нам где-то в другом месте.

Но я не могу ждать. Не здесь, не сейчас, не в это время. Я переходила от солдата к солдату, лежащих бок о бок, набитые, как сардины, в лазарете, прикасаясь к каждому, исцеляя их. Возвращая их в строй.

Что, естественно, заставило солдат дальше в шеренге начать шуметь и звать меня, чтобы я исцелила их сейчас.

- Я - внук сенатора Люциуса! Следующим исцели меня! - выкрикнул один голос.

- У меня есть жена! И дети! Исцели следующим! - добавил кто-то еще.

Самым напыщенным и высокомерным тоном, который я когда-либо слышала, настолько чрезмерным, что стало смешно: «Черти вас драли. Я - сын пекаря. Очевидно, я в приоритете.»

Я покатила со смеху, шлепая другого человека, и если бы я не думала, что это вызовет серьезные проблемы, я бы добралась до него следующим просто ради шутки. Однако, если я начну идти по такому пути, это может закончиться проблемами. Лучше выглядеть честной и нейтральной в моем исцелении.

Однако я была немного самонадеянна, придя в лазарет и начав исцелять.

Магия работает с кучей разных вещей: навыками, статистикой, сложностью, размером и изображением. Все это определяет, сколько маны я вложу в навык. Один из самых больших и важных аспектов - размер травмы. Небольшой порез почти ничего не стоит, в то время как восстановление целой руки стоит тысячи маны. Болезнь легка и тяжела в этом отношении. Чем лучше я знаю, с чем имею дело, тем эффективней я и меньше маны трачу. Однако, по сути, болезнь не имеет огромной массы, что, кажется, является одним из наиболее важных аспектов лечения.

Плохое представление о болезни, которое использовал Хесоид, тот факт, что это магическая чума, а не естественная, и факт, что она также усилена навыками, стали причинами того, что лечение его болезни обходилось мне дороже, чем естественная вспышка холеры, которая происходила одновременно. Мне также нужно залечивать повреждения, нанесенные болезнью.

Однако, как правило, это происходит в небольших масштабах. Именно поэтому я могу вылечить целый крошечный городок от слабой болезни. Болезни просто не стоят столько маны. Отчасти поэтому целители Тьмы и Воды более популярны, чем целители Света. Вы можете вылечить намного больше пациентов при том же количестве маны, вдобавок к более высокой эффективности на более низких уровнях.

Только на 100 уровне, когда я получила [Детальное восстановление], я начала становиться эффективным целителем Света. Даже тогда был важен толчок от [Клятвы] просто для того, чтобы начать чего-то добиваться.

Восстановление конечностей - совершенно другая игра. Есть причина, по которой мне потребовалось три применения навыка только для того, чтобы восстановить руку ребенка, когда я впервые получила навык - это ребенок. Одиноким тощим ребенком с маленькой рукой. Чем крупнее человек, тем больше рука, тем больше уйдет маны.

Вопрос не в моей Силе или Контроле. Я продемонстрировала их Бою, вылечив его, когда он был разделен пополам.

Проще прикрепить конечность, чем воссоздавать ее заново. Вся плоть на месте, ее просто нужно соединить заново, а те небольшие гнили и проблемы, которые появились, просто убрать. Массовое выращивание конечностей - другая проблема, на порядок выше.

Вопрос заключается в самом масштабе проблемы.

Первая дюжина пациентов прошла легко и я едва заметила проблему.

На второй дюжине глаз, который я постоянно держала на мане, послал небольшой предупреждающий звоночек о том, что моя мана быстро падает.

К третьей дюжине я поняла, что попала в беду.

Я начала замедляться. Говорю с каждым солдатом по минуте, чтобы выиграть время на размышления и восстановить свою ману. Прелесть метода «кабинки» в том, что между пациентами есть некоторое время, время, чтобы восстановить ману, в отличие от метода «потрогать всех как можно быстрее», который я использую в настоящее время.

Я огляделась и заметила именно того человека, который мне был нужен.

Ладно... Подумала, что нужен.

Хорошо выглядящий на свой средневековый возраст и идентифицируемый около 240 уровня. Его знаки отличия предполагают, что он - Центурион, один из командиров более низкого уровня. Молодой Центурион, вероятно, купивший должность или обзаведшийся связями и тому подобное. Битва, подобная этой, на передовой, может вбить в него немного здравого смысла. Возможно, нет. Однако, кто-то, кто преодолевший 180 уровень и добравшийся до 240? Кто-то, кто, несмотря на возраст, предполагающий десятилетия службы в армии, является Центурионом? Я не могу гарантировать, но все намекает на пожизненную службу, на продвижение от низших чинов до Центуриона исключительно за заслуги и мастерство. Именно тот человек, который сможет незаметно протянуть мне руку помощи.

- Центурион! Давно не виделись! - радостно воскликнула я, оказавшись рядом с ним. Быстрый взгляд на его раны подсказал, что причиной его травм стали падающие камни, а не форморианцы. Понятно... Я не была много на передовой, не зная, как лучше всего сражаться с форморианцами. Напоминания Ночи и генерала Августа о том, что «нельзя использовать крупномасштабные навыки», когда я впервые прибыла на линию фронта, послужили гораздо более отрезвляющим напоминанием.

- Ну вот, давай потратим несколько минут на то, чтобы наверстать упущенное! - произнесла я,

окутывая нас [Вуалью Авроры], используя первоначальный аспект приватности навыка. Он такой полезный!

Он посмотрел на меня, когда я прикоснулась к нему и исцелила.

- Прошу прощения, Страж, но я никогда вас раньше не видел.

- Я знаю. Прошу прощения, - ответила я. Я увидела, как завертелись шестеренки, и прежде, чем я успела сказать что-нибудь еще, он заговорил.

- Это означает, что вам что-то нужно от меня. Что-то личное, о чем вы не хотите распространяться, - он сделал паузу, продолжая думать. Я решила избавить нас от игры в «выяснения» и просто поговорить с ним.

- Я иду слишком быстро: у меня заканчивается мана, - начала я. - Будет выглядеть плохо, когда я исцелю кучу людей и внезапно останавливаюсь. Не против протянуть мне руку помощи?

Центурион сел и потянулся, проверяя, действительно ли его желудок вернулся. Он посмотрел на меня, на мгновение задумался, затем кивнул.

- В основном... Я могу спуститься и разделить территорию. Как только вы закончите, вы «исцелите» всех присутствующих. Хотя не могу заставить людей перестать болтать.

Я пожала плечами: «Я не могу помешать им говорить или возвращаться. Мне просто нужно, чтобы все не стало уродливым, когда я скажу: «Лечу, лечу, лечу, извини, что ты вытянул короткую соломинку», не сжигая весь арканит, который у меня есть в запасе. Моя Регенерация высокая и я смогу добраться до каждого вовремя. Мне просто нужно время!»

Он нахмурился.

- У нас нет времени. Не при том темпе, как продвигается штурм.

- Я здесь не единственный Страж и я не могу сделать так уж много, - указала я. - Но я могу кое-что сделать. Давай. Поработай со мной здесь.

Центурион, кажется, подумал, что вернется целым и невредимым, и отсалютовал мне, приложив кулак к груди.

- Как прикажете, Страж, - ответил он и я опустила [Вуаль], переходя к следующему пациенту.

Центурион двинулся вдоль строя, глубже в темные пределы лазарета. Я продолжила свою

работу, тратя минуту на разговор с каждым солдатом, тщательно проверяя, что произошло.

Вероятно, такое сошло бы мне с рук в любом случае, но я должна признать, что быть [Красоткой] посреди зоны боевых действий, вероятно, помогает. Никто не обращает внимания на то, что я трачу несколько минут на болтовню.

Если я смогу каким-то образом растянуть каждый разговор до минуты или около того, я смогу лечить вечно. Это второстепенный план.

- Выглядит плохо, как случилось? - спросила я, болтая с солдатом без ноги.

Легкое недоверие промелькнуло на его лице - очевидно форморианец - но оно быстро сменилось неуместной уверенностью. Конечно, он может рассказать эпическую историю о героизме и доблести, достаточную, чтобы завоевать прекрасное сердце девушки.

- Это был форморианец! Вдвое больше обычного, он прорвался сквозь наш строй! Солдаты падали направо и налево, когда он проносился сквозь нас. Между ним и уязвимым лагерем был только я! «Вот и все», - сказал я себе. «Это то, ради чего я тренировался, мой звездный час». Ах, увы, когда я нанес ему смертельный удар, он ударил меня в ответ своим предсмертным вздохом, прихватив с собой мою ногу! Такой чудовищный монстр не умер бы, не получив расплаты!

Я сохранила улыбку на лице, мысленно закатив глаза в самый большой круг из возможных. Перевод: он совершил глупость, убивая совершенно нормального форморианца, ногу оторвало в момент невнимательности. Возможно, в придачу в стене щитов кто-то напортачил, позволив этому случиться.

У меня нет сомнений: к тому времени, как он вернется домой - он убьет Королевского Гвардейца, он будет единственным солдатом между ним и остальным Ремусом.

Тем не менее, его болтливый характер дал мне время, чтобы моя мана восстановилась. Я похлопала его по плечу и изобразила улыбку на лице. Хорошие манеры у постели больного.

- Какой героизм! Новая нога к твоим услугам. Хотя с получением новой брони помочь не могу. Удачи! - сказала я, медленно вставая и переходя к следующему пациенту.

Пересекая проход зигзагами, я потрачу больше времени, что я и делала. Центурион вернулся и заметил меня.

- Страж! - он позвал фальшиво дружелюбным голосом. - Я впечатлен! Вы почти полностью вылечили эту палатку, как обычно!

Я мысленно выругалась.

То что он сказала, я перевела как: «Невозможно разделить палатку пополам или больше. Нужно идти до конца. Осталось не больше тонны пациентов.»

Будь проклято это дерьмовое освещение. Я понятия не имею, сколько еще осталось.

Хотя, свет начинал прояснять. Я сделала непроницаемое лицо.

Наступал рассвет. Во многих смыслах.

Я продолжала, несмотря ни на что.

Я начала использовать свой арканит, еще больше снижая опасно низкие запасы, когда дошла до конца палатки. Я оглянулась назад и улыбнулась.

Из того немногого, что я смогла разглядеть, палатка почти пуста. Большинство солдат, приведя себя в порядок, решили, что убраться отсюда - правильный шаг. Иногда я вижу, как командиры отделения проходят мимо, хватая членов своего отделения, которые исцелились, но слонялись без дела, не особо стремясь вернуться в бой.

Это не может быть полезно для их психического здоровья. Представьте: потерять руку, не исцелиться, провести бог знает сколько времени, уставившись в темный потолок палатки, думая, что останется калекой на всю жизнь – или, по крайней мере, до тех пор, пока он не доберется до хорошего целителя, если он, конечно, сможет себе его позволить. Скорее всего, они заново переживают момент, когда ранения.

Затем - бум! Прихожу я, как солнце, поднимающееся над горизонтом, нарушая их ночь, принося день. Они исцелены! Целы!

Мне нравится титул «Рассвет».

И с военной эффективностью – которая, можно сказать, невероятна в одних случаях, ужасно неэффективна в других – их отправляют обратно на линию фронта, где они были ранены, чтобы снова отправить во всепоглощающую мясорубку, которой являются форморианцы.

Как бы мне ни хотелось проводить консультацию по психическому здоровью, сейчас не время и не место. К тому же, у меня также нет для этого никакой подготовки или навыков.

Жаль, что не имею. Возможно, я могла бы лучше справляться со своими кошмарами.

Посыльный ждал в конце палатки. Я посмотрела на него. Я пожалела, что выбрала его из всех людей, чтобы показать мне окрестности. Нужно было просто взять самого компетентного человека в округе.

С другой стороны. Тот факт, что он показывает мне окрестности, означает, что он не в очереди на исцеление. Насколько я знаю, он заменил своего убитого товарища - или отправил в эту палатку.

- Эм... главный целитель сказал, эм... что он никуда ни из-за кого не собирается идти, и если вы хотите поговорить с ним, нужно идти к нему, - запинаясь он.

Я подавила вспышку гнева и раздражения. Я сама проделывала подобные трюки и не могу жаловаться, когда кто-то проделывает его со мной. Но это не помешало мне раздражиться.

Посыльный пошел впереди и вскоре я оказалась в большой, хорошо освещенной палатке. Внутри было большое количество раненых солдат, сбившихся в группы. Вокруг стояла полная шеренга хорошо вооруженных солдат, нервных, на взводе. Явно в каком-то режиме «подавления беспорядков».

Я моргнула, переваривая увиденное.

Ах.

Они не хотели, чтобы солдаты прибегали к физическому насилию. Довольно стандартные охранники для целителя. Мне потребовалось гораздо больше времени, чем следовало, чтобы осознать это. Я явно устала и усталость начала проявляться.

Я продолжила оглядываться по сторонам. Присутствовал один целитель и несколько помощников, которые выполняли базовую сортировку.

За исключением того, что сортировка отличалась от той, к которой я привыкла.

Я привыкла к трехуровневой системе. Зеленый - ходячие раненые, люди с травмами, они будут жить, но самостоятельно передвигаться сложновато. Оранжевый - тяжелораненые, те, кто нуждается в медицинской помощи, кто не может передвигаться самостоятельно. Я осознала, что палатка, которую я только что очистила, была полностью забита ранеными оранжевого уровня.

Последний цвет - красный. Красным критерий «немедленное внимание или смерть», и всякий раз, когда производилась сортировка, независимо от того, где в мире, красный были первыми. Они могли пропустить очередь.

Что происходило и сейчас.

Однако я увидела, как в помещение на полной скорости ворвался солдат, который кричал в агонии, звал свою мать и пытался одной рукой удержать внутренности внутри. У него был рассечен левый бок: все от левого плеча до левого бедра отсутствовало, ребра открыты всему миру. И он пытается сохранить то, что от него осталось, в своем теле. Прямо на моих глазах что-то - почка - выпало, когда все слегка подвинулись, чтобы сначала отвести мужчину к целителю.

Целитель прикоснулся к нему и вместо того, чтобы тело начало мерцать в ответ, рана просто закрылась.

Я прищурилась. Чувак умрет из-за того, что кое-что пропало. Не сейчас, но я могу придумать дюжину различных способов, которыми он в любом случае окажется мертв.

Тем не менее, все, кажется, приняли это как норму, и мне неохотно пришлось признать, что он больше не является красным делом, а просто ярко-оранжевым.

Тем не менее – не обычным.

Станным стало то, что следующим стал зеленый. Относительно незначительная травма – глубокая рана на плече – полностью зажила. Солдат отдал честь, схватил свое снаряжение и поспешил обратно к двери.

К целителю шла нескончаемая бомбардировка людей и чувак выглядел измученным. Как будто он не спал месяц.

Определенно. Пришло время вмешаться мне и, если ничего другого не остается, помочь этому бедному целителю немного поспать.

Я начала приближаться, но охранники остановили меня.

Мне так надоело это дерьмо.

Я только одарила их своим лучшим убийственным взглядом и указала на свой значок. В придачу придала ему немного [Отблеска].

Охранники решили, что оказаться в центре гнева Стража – даже если он невысокий и женского пола – не лучший карьерный ход - и не доставили мне никаких проблем. Я направилась к целителю.

- Целитель, - подходя, произнесла я.

- Что? - спросил он односложно, слово было пропитано усталостью. Я быстро позвала охранников.

- Сделай перерыв. Я подменю. Приказ Стража, - сказала я, кивая охранникам.

- Нужно... - он попытался и, зная, что он хочет, я прервала его.

- Я - целитель. Я беру управление на себя. Перерыв, - произнесла я, когда его охранники - друзья - схватили его под руки и начали переносить на маленькую койку в углу.

Я узнала раскладушку. Такого же типа я использовала в Перинфе. Раскладушка «я устроила свой пункт исцеления, потому это только я против бесконечного прилива».

Бедняга. Посочувствовала я.

Я обернулась и увидела толпу, вполголоса ворчавшую, что Страж фактически только что сразил топором их целителя. Я проверила свой запас маны, все еще низкий после того, как я тянула его, очищая палатку. Я бросила свой рюкзак в угол, подальше с дороги.

Прекрасно... Единственная награда за хорошую работу - еще больше работы.

<http://tl.rulate.ru/book/49005/3830628>